

УДК 93/94

Романика А.С., кандидат исторических наук, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина (Россия)

ВОЕННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В 1907–1914 ГГ.

В статье рассматриваются теоретические построения представителей партии эсеров по военной проблематике в социально-политическом контексте и практические шаги в рядах армии в период политической реакции. Эсеровские установки и мероприятия изучаются и с учетом партийного опыта, приобретенного в годы Первой российской революции и тенденций развития отечественного революционного движения в целом. Армейские мятежи 1906–07 гг. раскрыты через анализ эсеровского влияния в рядах вооруженных сил и черты восприятия военным пространством протестных и леворадикальных идей в начале XX в. Продемонстрированы особенности отношения командного состава и нижних чинов к политической пропаганде и социалистической доктрине. Обращено внимание и на изменение социально-политического облика отечественной армии вследствие модернизационных процессов начала XX в., дана оценка их воздействию на вовлечение профессиональных военных в социально-политические конфронтации эпохи. Анализируется влияние событий и процессов Первой российской революции на оценку партией роли и места военного компонента в борьбе против царизма. Разбираются различия во взглядах представителей эсеров на методы и средства ведения агитации среди солдат и офицеров с учетом опыта революционной деятельности. Партийные пропагандистские и теоретические материалы раскрыты на предмет соответствия или отхода от традиционных установок отечественного освободительного движения. Обозначены практические шаги эсеров по привлечению военных на свою сторону накануне Первой мировой войны, раскрывающие нарастание кризисных явлений в партии.

Ключевые слова: армейские восстания, армия, общественная мысль, офицеры, Первая российская революция, политическая агитация, политическая реакция, революционное движение, солдаты, социалистическая мысль, эсеры.

DOI:10.22281/2413-9912-2024-08-04-108-118

Введение. В общественно-политической конфронтации в России начала XX в. особое место отводилось армии, которая традиционно использовалась царизмом для решения внутренних задач. В день «Кровавого воскресенья» войска стреляли в народ, а в течение последующих месяцев восставшие и верные власти части неоднократно вступали в столкновения. Революционные силы вели работу по вооружению противостоящих правительству групп, а также привлечению военных на свою сторону. Несмотря на неудачу революция оставила радикалам весомый опыт, который будет использован спустя десятилетие. Деятельность в военном пространстве стала предметом рефлексии со стороны оппозиции в период реакции, что представляет научный интерес на примере партии социалистов-революционеров (эсеров), одной из крупнейших политических сил начала XX в., чье наследие менее изучено по сравнению с их оппонентами по революционному лагерю – большевиками.

Историография эсеров включает значимые работы, однако военный вопрос редко был темой специальных исследований. Видные советские историки К.В. Гусев и В.Н. Гинев рассматривали эсеровское влияние в армейской среде в контексте общих вопросов партийного строительства [6]. М.И. Леонов выделил военное направление как важную составляющую эсеровской работы в годы

Первой революции [13], что затем осветил А.А. Оксенюк [22]. Повышенное внимание к партийной деятельности в рядах армии в период реакции уделено в монографии К.Н. Морозова [16]. Эсеровская пропаганда среди солдат и офицеров накануне Первой мировой войны раскрыта в исследовании П.А. Овечкина [21].

Объект и методы исследования. Объектом исследования выступает военный вопрос в идеологии и практике социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. В методологическом комплексе ведущее место принадлежит проблемно-хронологическому методу, с помощью которого удалось выделить основные проблемы, связанные с тематикой исследования, рассмотреть их в хронологической последовательности. Историко-генетический метод позволил представить рассматриваемые события и явления в историческом движении, выявить причины их возникновения и особенности развития. Историко-типологический метод стал основой для определения ведущих тенденций общественной мысли и направлений политической активности.

Результаты и их обсуждение. В первые годы XX в. эсеры создали сеть ячеек в воинских частях центра страны и периферии [9, л. 5], что позволило «закрепиться» в военном сообществе. С.Д. Масловский (один из военных кураторов партии, впоследствии известный литератор С.

Мстиславский) отмечал, что кружки были преимущественно штатские, ограничивались контактами со знакомыми офицерами и игнорировали деятельность среди солдат. Господствовала идея, что для успеха восстания офицерам достаточно повести подчиненных «по команде», что позволит избежать длительной и рискованной агитации нижних чинов, предотвратит военное подавление выступления, а после революции сохранит армию и ее институты в рабочем и подконтрольном состоянии [18, с. 12] [17, с. 23].

Следуя данной тактике в 1905 г. был создан «Всероссийский офицерский союз». Организация отличалась обособленностью, взаимодействовала с эсерами, но была вне партийной агитации. Эта конструкция соответствовала представлениям командного состава о своей особой роли в деле народного освобождения и положению армии вне политики, что позволило привлечь весомое количество участников, открыть филиалы в провинции [18, с. 12] [17, с. 23]. По свидетельству С. Мстиславского, в 1905 г. при тщательной конспирации с «Союзом» сотрудничал А.И. Деникин, получивший в то время чин полковника [18, с. 16].

Однако бурные события, в которые оказалась вовлечена страна, показали слабые стороны организации и привели к ее скорому закрытию. «Офицерский союз» готовил выступление в столице в 1905 г., но большинство членов оказались не способны на крайние меры в борьбе против правительства по причине моральных принципов или слабой профессиональной подготовки. Сказалось и принятие октябрьского манифеста, который отражал общественно-политические настроения командного состава. «Офицерский союз» предстал наследием офицерских организаций в духе военно-революционного филиала «Народной воли», однако в начале нового века массовый компонент общественного движения в значительной степени определял характер и пути социально-политической конфронтации. Так, С. Мстиславский, анализируя деятельность «Союза», подчеркивал «низовое, стихийно развернувшееся движение рабочих и крестьян, ждавших, требовавших и так и не получивших от нас, тогдашних партийцев, делового руководства» [18, с. 13]. В свою очередь А.И. Спиридович с охранительных позиций называл причиной провала непопулярность радикальных идей среди военных: «С большим усилием удавалось иногда завлечь в организацию какого-либо молодого, неопытного офицера, из неудачливых военных; обычно же, весьма немногие, в общем, офицеры, поддававшие под влияние социалистов-революционеров, оказывались в действительности, лишь бывшими офицерами, оставившими по тем или иным причинам ряды армии» [26, с. 370].

Одно из крупнейших событий Первой революции – декабрьское вооруженное восстание – было подавлено силами армии, которая выступила надежным инструментом монархии по подавлению общественных выступлений. Б.В. Савинков на этот счет заключал: «... сочувствие отдельных офицеров революционному движению еще ни в малой мере не доказывает, что солдаты не будут стрелять в народ, более того, что сами эти офицеры откажутся от своей военной присяги. Опыт Семеновского полка в Москве подтвердил этот вывод» [25, с. 128]. Военное направление эсеров включало и специфические, традиционные для революционного народного движения методы борьбы, в частности, террористические акты возмездия. Член партии З.В. Конопляникова застрелила 13 августа 1906 г. генерала Г.А. Мина, на суде заявив, что убила его «как командующего Семеновского полка, воспитывавшего солдат-крестьян в духе активной неприязни к народному освободительному движению» [24, л. 1-2]. В одной из прокламаций партия также объясняла террористический акт той ответственностью, которую несет начальник за деяния подчиненных: Мин «сумел обратить своих солдат в зверей, издевающихся над своими жертвами, над слезами, рыданиями и горем их родных близких» [4, л. 1].

В конце 1905 г. при помощи эсеров были организованы мятежи в ряде гарнизонов страны [13, с. 204, 214]. Это вместе с провалом декабрьского восстания, мотивирующим влиянием «Потемкина» и «Очакова» привело к усилению военного направления партийной деятельности. Увеличивалось количество армейских ячеек, в официальных постановлениях военно-социальная тематика играла первостепенную роль [13, с. 257]. В.Н. Фигнер вспоминала, что на фоне японской катастрофы и отмеченных выступлений «казалось, что военная среда наряду с рабочим классом представляет крупнейший революционный фактор, строго дисциплинированный и обладающий организованной материальной силой» [31, с. 186]. Схожие процессы наблюдались в стане социал-демократов, поэтому революционные партии объединяли усилия по подготовке выступления войск против самодержавия. Деятельность среди офицеров уступает место активизации нижних чинов. Акцент делался на агитации среди балтийских моряков по причинам роста бунтарских настроений после неудач в японской кампании и благоприятных условиях работы революционных организаций в Финляндии. Совместный план масштабного восстания на Балтийском флоте не был реализован, но его отголоском стали восстания в Свеаборге, Кронштадте и на броненосце «Память Азова» летом 1906 г. Однако выступления сопровождались несогласованностью и конфликтами между партиями, носили скорее характер стихийного бунта

низов против «господ-офицеров» [2, с. 56, 66, 69-70, 105-106, 116, 147]. Примечательно, что, по воспоминаниям очевидца событий Оттосона-Николаева, кронштадтские «матросы, в массе своей плохо разбиравшиеся в партийных программах, упорно стояли за объединенную военно-революционную организацию» [2, с. 101].

Несмотря на спад революционного движения к лету 1907 г. протестные настроения в армии еще сохранялись. А.А. Трояновский, член военной организации большевиков в Киеве, а в дальнейшем видный советский политический деятель, писал: «... в результате в 1907 г., когда по всей стране укреплялась реакция, в армии то там, то здесь вспыхивали восстания». Причину он видел в специфике распространения социально-политических настроений в военном пространстве: «Армия плохо поддается непосредственному влиянию окружающей среды, а испытывает влияние этой самой среды благодаря проникновению в армию через призывы пополнения и прочее». «Главным будирующим элементом» он видел революционно настроенных призывников из крестьян и рабочих [29, с. 181-182]. К началу XX в. модернизационные процессы меняли социально-политический облик российской армии, превращая ее из закрытого пространства в выразителя интересов масс, чем намеревались воспользоваться дальновидные представители революционного движения.

На следующий день после «третьеиюньского переворота» началось восстание киевского гарнизона. Эсер В.М. Зензинов, годом ранее путешествуя по Украине и встречаясь с киевскими военными работниками, называл местную организацию одной из лучших в партии [10, с. 337]. Активную работу среди киевских военных также вели социал-демократы, издавали газету «Голос солдата» [15, с. 184]. Восстание характеризовалось инициативностью солдат, однако и отсутствием четкого плана действий (в том числе, разногласиями между эсерами и социал-демократами о перспективах выступления) [16, с. 291-292], что привело к конечной неудаче.

Все лето 1907 г. продолжались революционные брожения в Севастополе, где были сравнительно сильны позиции эсеровской военной организации [16, с. 293-294]. Б.В. Савинков, в 1906 г. сидевший в заключении в Севастополе и после совершивший удачный побег, вспоминал: «Во всех ротах были солдаты социалисты-революционеры, социал-демократы и просто сочувствующие революции, были также и унтер-офицеры, входившие в революционные военные организации» [25, с. 182]. Листовка описывала местные настроения: «Мы, солдаты и матросы Севастопольского гарнизона, обсудив на сколько возможно это, находясь в нашем положении – при постоянном шпионстве,

ссылках в армии, карцерах и т.п., настоящее положение России находит, что жить так, как теперь дальше нельзя, что военно-полевые суды, массовые расстрелы, непрерывные голодовки крестьян и рабочих, неизбежные при том малоземелье и бесправии ... полные произвол и насилие, которые царят во всех углах нашей многострадальной родины; финансовая политика казнокрадов-чиновников довели страну до обнищания» [19, л. 1] (исходя из стилистики и грамматики автор действительно являлся представителем нижних чинов). Участник революционных выступлений Х.М. Дюльдин (старшина кочегарного отделения на броненосце «Синоп»), описывая настроения матросов, утверждал: «Лозунг «в борьбе обретишь ты правое свое», призыв к организованному восстанию – было духом времени» [7, с. 143].

Однако революционный энтузиазм военных и их подверженность радикальной пропаганде шли несколько вразрез с партийной оценкой состояния дел. В прокламации от 19 мая 1907 г., обращенной к севастопольским солдатам и матросам, говорилось, что революция находится в «моменте затишья», поэтому необходимо «заранее сговориться и сорганизоваться» (в частности, выработать устав местной военной организации) [27, л. 1]. По воспоминаниям В.Н. Фигнер, представители местного комитета эсеров выступали против восстания, считая его бесперспективным, но были вынуждены уступить напору военных [31, с. 181-182]. Примечательно, что с аналогичной проблемой столкнулся А.А. Трояновский во время работы в киевском гарнизоне [29, с. 185].

В итоге, в сентябре 1907 г. в Севастополе произошло выступление, закончившееся провалом и впоследствии многочисленными арестами. Представитель политического сыска А.И. Спиридович утверждал, что эсеры переоценили свою популярность в гарнизоне Севастополя: «По плану рисовалось нечто грандиозное, действительность же показала – сколь нелепы были их надежды на восстание войск» [1, с. 78]. Причины неудачи анализировала и партийная верхушка. В.Н. Фигнер характеризовала выступление «революционным эпизодом без связи с общим ходом революции», которое «не было вызвано необходимостью» и показало «упадок» военного компонента революционного движения [31, с. 184]. В.М. Чернов обратился к севастопольскому мятежу на Первой Общепартийной конференции 1908 г.: «Нам много раз говорили, что Севастополь наш, что эскадра наша, что массы рвутся в бой ... Оказалось, что и тут положение было сильно переоценено, и в результате получилась чувствительная неудача. Оказалось, что настроение войск – очень колеблющееся, и строить на нем расчеты чрезвычайно трудно». Однако он

подчеркивал: «Понятно, что это не может служить основанием разочарования в работе среди войск. Скорее наоборот: случай этот должен послужить стимулом к дальнейшему расширению и углублению нашей военной работы» [23, с. 104]. В.М. Чернов еще в конце 1905 г. в программном выступлении называл переход армии на сторону «народа» «заветнейшим желанием» [33, с. 253], и события революции подтвердили для партии потенциал военного направления деятельности.

Не принесло успехов и восстание во Владивостоке осенью 1907 г. Взрывном элементом еще в конце 1905 г. оказались многочисленные запасные, недовольные долгой отправкой домой. Они устраивали митинги, громили торговые лавки и дома офицеров. Несмотря на массовые аресты радикальные настроения в гарнизоне сохранялись, и эсеры через отделение в Нагасаки распространяли пропагандистские материалы. Во Владивостоке была создана эсеровская военная организация, которая собиралась «вести пропагандистскую и агитационную работу во всех частях войск гарнизона, организовывать борьбу против военной дисциплины и за общее улучшение солдатского быта, открытые митинги протеста...». Целью ставилось руководить вспышками солдатского недовольства и, в конечном счете, преобразовать их в массовое выступление [14, с. 102-104]. Наиболее успешно эсеры вели пропаганду в портовых мастерских Владивостока, в меньшей степени подверженных полицейскому надзору. Это позволяло революционизировать и местных рабочих, и матросов.

Восстание во Владивостоке началось в октябре 1907 г. (несмотря на аресты солдат после локальных конфликтов и раскрытие пропагандистской сети). Как в Киеве и Севастополе выступление характеризовалось активностью нижних чинов, которая, однако, имела скорее бытовые причины – рядовые выплеснули злобу за еще недавно пережитые ужасы войны против Японии и притеснения со стороны командиров, а также плохое материальное положение. Один из рапортов гласил: «Мятежники действовали настолько отчаянно, что некоторые подбегали вплотную к пулемету и стрелкам» [14, с. 107-109]. Владивосток был объявлен на осадном положении. К концу октября восстание было подавлено, затем разгромлена и местная эсеровская военная организация [14, с. 119-120].

Владивостокское выступление стало последним военным мятежом 1907 г., после в армейском пространстве, как и в обществе целом, наблюдается политическое затишье. Отмеченные восстания показали, что радикальной оппозиции удалось проникнуть в армейское сообщество, создать или поддержать прецеденты военно-политической

активности, которые грозили армии началом процесса «разложения» в кризисные моменты.

Для достижения целей эсеры использовали декабристскую/народовольческую тактику создания тайных офицерских обществ. Это соответствовало традиционной для отечественного освободительного движения идее о «героях толпы», способных повести угнетенные массы за собой. Командный состав армии в силу сравнительно высокого уровня образования и нарастания профессиональных проблем поддавался политической агитации, а самодержавие в их глазах теряло черты «сильной власти», способной обеспечить внутри- и внешнеполитический порядок [5]. Но выступления в годы революции продемонстрировали и потенциал солдатской массы как активного и сознательного участника антиправительственной борьбы, что стало новой и главной чертой военно-революционного направления начала XX в. Эсеры осознавали данные тенденции, поэтому наряду с созданием тайных организаций применяли и тактику массовой агитации. Сочетание конспиративной и пропагандистской, офицерской и солдатской работы давало как определенные результаты, так и вело к противоречиям, постоянным идейным исканиям и частым изменениям вектора деятельности.

В начале революции доминировала идея создания внепартийных военных организаций («Всероссийский офицерский союз», «Всероссийский союз солдат и матросов»), которую развивал С.Ф. Михалевич [1, с. 74]. Прощедший долгую сибирскую ссылку в годы революции он руководил Центральным военно-организационным бюро эсеров [16, с. 125] – конспиративной и автономной группой людей, близких к армейской среде. Оно было сформировано к 1906 г. Не являясь непосредственно армейской организацией, бюро ставило задачу координации партийной деятельности в рядах вооруженных сил [31, с. 185]. Также в годы революции С.Ф. Михалевич руководил Кронштадтской военной ячейкой (в том числе восстанием летом 1906 г.) [1, с. 75].

Несколько отличными были взгляды Н.В. Чайковского, одного из старейших партийных членов, также входившего в состав военного бюро [31, с. 187]. По его мысли, террор устарел как средство борьбы. Как и другие узкоспециализированные мероприятия, он годится лишь на подготовительной стадии, поэтому для успеха революции необходимо организовать массовое партизанское движение. Его центрами могут стать Урал, Кавказ и другие местности, где природные условия позволяли бы вести длительное и успешное вооруженное противостояние правительству. Ведущая роль отводилась военным, прежде всего, дезертирам, так как, по мысли Н.В. Чайковского,

число побегов из армии со временем будет лишь увеличиваться на фоне кризиса самодержавия и его институтов.

«Руководителем военной работы» Н.В. Чайковский намеревался сделать американца Джона Купера, участвовавшего еще в Гражданской войне на стороне южан (ранее Н.В. Чайковский ездил в США с координационными и пропагандистскими целями). Организационные задачи также должен был решать «десяток, другой обученных офицеров, которые знали бы партизанство не по наслышке, а из первых рук». Партизанское движение представлялось, как и в конструкциях С.Ф. Михалевича, беспартийным, но проникнутым «революционно-народным духом» [32, с. 232-233], что перекликается с идеями еще А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского о создании боевого союза народа, солдат и офицеров для борьбы против самодержавия. Предложение Н.В. Чайковского заставило эсеровское ЦК в 1907 г. безрезультатно рассмотреть вопрос о «партизанских выступлениях» [16, с. 289-290].

Интересной была концепция эсеровской севастопольской ячейки, которая отводила военно-крестьянскому союзу роль передовых отрядов: «Рабочих мы приглашаем организовывать советы рабочих депутатов и боевые дружины с тем, чтобы в нужный момент городской пролетариат мог бы вступить на борьбу ... начав всеобщей забастовкой пролетариат должен закончить вооруженным восстанием, когда условия к нему будут подготовлены выступлением крестьян и войска» [12, л. 1]. Во Владивостоке эсеровская организация сосредоточила свою деятельность исключительно среди солдат и матросов [14, с. 104-106]. Отчасти это объясняется наследием Японской кампании, когда в условиях военного кризиса обострился конфликт нижних чинов и командного состава, который имел не только профессиональные, но и социально-политические причины – противостояние «барина» и «крестьянина». В частности, С.Д. Масловский писал, что «мне лично не раз приходилось слышать от солдат, что офицеры «стесняют» их, что без офицеров лучше» [17, с. 29-31].

Уже в 1910 г. в «Социалисте-революционере» автор под псевдонимом «Виктор Военный» (существуют разные точки зрения на его личность [16, с. 315]) опубликовал статью, где анализировал армейские выступления. Он пришел к выводу, что по причине политической индифферентности командного состава военный переворот в России невозможен. Поэтому эсерам необходимо отказаться от ставки на офицерский заговор и создать «народно-революционную армию», где нижние чины станут частью массового компонента, а офицеры будут выполнять организаторскую роль [16, с. 315-316].

Также в 1910 г. активизировалась группа во главе с С.Ф. Михалевичем, которая стремилась обновить эсеровскую теорию и практику. В их декларации говорилось, что «сама жизнь заставила нас относиться отрицательно к прежним приемам партийной работы, практиковавшей широкий, но поверхностный захват массы путем агитации и бессистемной кружковой пропаганды. Настоящее время и пережитые неудачи диктуют необходимость углубления социалистической работы, ограничиваясь небольшими по составу, но прочными кружками, которые должны объединять наиболее сознательные элементы и служить проводниками в широкие массы социально-революционных идей». В качестве главных целей революционной пропаганды выступали крестьяне, рабочие, учащаяся интеллигенция и военные [26, с. 486-487]. Реализации планов помешал очередной арест С.Ф. Михалевича и его скорая кончина.

Разнообразие взглядов эсеров на роль армии в освободительной борьбе отмечал один из главных партийных теоретиков В.М. Чернов в 1905 г.: «...нашим заветнейшим желанием является – привлечь армию к переходу на сторону народа; если возможно целиком, с офицерами во главе; это лучшее, о чем только можно мечтать. ... партия стремится не только распропагандировать нижних чинов. Нет, она стремится создать и организации офицерские. Я [в беседе с редакционным собранием «Сына Отечества»] упомянул о традиции декабристов и народовольчества» [33, с. 254]. Широту эсеровских подходов по работе с военными, а вместе с этим и их противоречивость раскрывал и С.Д. Масловский: «...лозунгом военной работы партии на первом этапе было: искать связей в солдатской массе, стремясь вовлечь ее в движение; но, поскольку о массовой военной организации до поры до времени не приходится думать, сосредоточить особые усилия на организации офицеров» [18, с. 13].

В ноябре 1907 г. состоялось совещание представителей ЦК и военных специалистов ряда областей. Последние свели трудности работы к низкой инициативе военных, «случайному составу военных работников» и «неудовлетворенностью общепартийной организации» [16, с. 298]. Совещание показало и разногласия по поводу перспектив широкого вооруженного выступления с привлечением армии или обособленного мятежа военных. Если представители ЦК настаивали исключительно на первом варианте, то военные работники аргументировали необратимость второго: «Частичные выступления войск диктуются психологией солдат и условиями их быта. Как только разрушается под влиянием революционной пропаганды обаяние царя, смысл дисциплины, – а так гнет ее становится нестерпимым, и войско

выступает по закону своей психологии, вне связи с народом». По их мнению, даже разрозненные армейские выступления значительно воздействуют на настроения политически нейтральных сослуживцев, лишают правительство уверенности в надежности военной системы, дают радикалам надежду на успех борьбы [16, с. 299].

После революции в официальных партийных документах доминирующей становится идея массового вооруженного восстания, к которому должна присоединиться армия в качестве одного из компонентов. Военное направление в деятельности эсеров постепенно теряет самостоятельную роль.

Резолюция III Совета партии (состоявшегося в мае-июне 1907 г., когда сохранялись иллюзии о не затухании революции) отмечала способность местного выступления, локального взрыва как «естественного явления» привести к всеобщему восстанию против действующего строя. Большие надежды возлагались на армию, так как наряду с террором «наиболее дезорганизирующее влияние на правительство и развязывающее влияние на революционную энергию масс оказывают движения в войсках». Поэтому говорилось, что «если обостренное настроение солдат угрожает стихийным волнением», то необходимо «внести в него организованность и выработанный план», если это «дает серьезные шансы для хотя бы местного и временного, но широкого успеха» [23, с. 27-28].

Но IV Совет партии, состоявшийся спустя год, уже скептически отнесся к местным выступлениям, «в которых может происходить бесплодная растрата народной энергии». Отвергалась и идея создания внепартийных военных организаций. Декларируя тактику, Совет постановил «вести интенсивную работу среди войска, в смысле не только революционирования этого источника правительственной силы, но и создания в ней сознательных и надежных ядер чисто-партийного характера». Важной задачей выступала «боевая подготовка партийных масс (заготовка оружия, обучение революционно-боевой технике)», что должно было позволить избежать «преждевременных и нецелесообразных вспышек» [23, с. 294]. Подавление народных выступлений в годы революции и разгон I и II Государственных дум наводили партийных членов на мысль о необходимости организации массовой и хорошо структурированной вооруженной борьбы как единственного средства свержения самодержавия.

Согласно программным документам V Совета партии 1909 г. (последнего до 1917 г.) допускалось создание специальных крестьянских, рабочих и военных организаций с внутренней автономией, но «лишь с санкции местных организаций и [с необходимостью действовать] согласно уставам,

утвержденным общими конференциями всех местных работников» [23, с. 355]. Целесообразность военной ячейки объяснялась спецификой работы в рядах армии и ее большим размахом, что часто было не под силу локальным группам. Предполагалось, что комиссия объединит специалистов, «соединяющих по возможности теоретическое знакомство с военным делом и практический опыт революционной работы в армии». Подчеркивалось ее единство с партией: «Совет партии, констатируя в прошлом, с одной стороны, некоторую обособленность и отчужденность военной работы от общепартийной, а с другой – не всегда достаточную оценку важности военной работы – полагает [необходимость сделать] военную работу существенной и неразрывной составной частью партийной деятельности» [23, с. 359].

V Совет партии также издал несколько отдельных постановлений по военно-социальной тематике. Задачей ставилось заручиться поддержкой солдат передовых убеждений. Подчеркивалось, что они должны принимать сознательное участие в партийной жизни и вовлекать товарищей в революционную деятельность (партия сталкивалась с трудностями вербовки по причине усиления контрмер в армии после революции). Декларировалось, что «общеполитическое затишье в стране и отсутствие широкого брожения в массах солдат и матросов делают несвоевременным образование широких беспартийных массовых военных организаций». Акцент делался на распространении пропагандисткой и просветительской литературы, которая «должна вестись с большой осторожностью во избежание таких обострений, которые могли бы привести к активным выступлениям на этой почве» [23, с. 361-362]. Тактика широкой агитации в военном сообществе отводила на второй план работу с командным составом. Было принято «преждевременным восстановление офицерской работы в ее полном объеме», предлагалось ограничиться сохранением контактов и распространением подпольной литературы. Создание «офицерской революционной организации» планировалось лишь «в момент будущего нового общественного подъема» [23, с. 362-363].

Разбор работы в рядах армии был осуществлен на Первой Общепартийной конференции в августе 1908 г. в Париже. Представители Баку, Северного Кавказа, Крыма, юга Украины, Туркестана отчитались о слабых контактах в военном сообществе или их полном отсутствии. Меткую характеристику социально-политическим настроениям нижних чинов дал Ю.М. Стеклов, курировавший в то время направление Крыма и юга Украины: «Военная организация слаба. Настроение солдат пониженное. Проявить инициативу в деле боевого выступления не

склонны, но оказать поддержку народному восстанию обещают». Согласно отчетам эсерам удалось добиться успехов в московском гарнизоне: солдаты читали революционную литературу и тщательно придерживались конспирации. Но и там возникала проблема ограниченного количества людей, имевших прочные и обширные связи в военном сообществе. Среди партийных достижений отмечались также пропаганда среди матросов на стоянках в Баку (утверждалось, что в этом направлении эсеры превзошли социал-демократов), потребность волжских матросов в чтении революционной литературы, плодотворная партийная агитация в гарнизонах Урала и Дальнего Востока [23, с. 72-74, 77, 79, 81, 84-85, 87, 94].

Эти проблемы и противоречия заставляли эсеров помимо теоретических исканий осуществлять и внутренние перестановки. Осенью 1907 г. было ликвидировано Центральное военно-организационное бюро. Формальным поводом стал провал севастьяпольского мятежа [16, с. 130-131]. За этим скрывались и более широкие неудачи и разногласия в работе. Успехи по пропаганде военных были вызваны деятельностью местных организаций, тогда как бюро не имело отделений. Об этом писала В.Н. Фигнер, принимавшая участие в реформировании, а в качестве обратного примера приводила военный филиал «Народной воли» с сетью местных ячеек. Также по ее свидетельству, руководство не устраивала высокая степень обособленности бюро, имелись опасения, что военная составляющая партийной работы преобладает над гражданской [31, с. 185].

Анализируя неудачи деятельности бюро и армейского направления в целом необходимо отметить и малое количество людей в партии, имеющих основательные военные познания. Характерный случай упоминал С.Д. Масловский (С. Мстиславский). Для подготовки в 1905 г. «Всероссийским офицерским союзом» вооруженного восстания в Петербурге был сформирован межпартийный боевой комитет (в том числе, был включен С.Ф. Михалевич) для решения технических вопросов, «хотя уровень именно технической военной подготовки входивших в него лиц был очень невысок. На одном из заседаний произошел жесткий спор по вопросу о том, в каком виде пироксилин представляет опасность взрыва – в сухом или влажном. Один из нас, чтобы «практически» разрешить спор, попросту вынул из кармана бывшую при нем пироксилиновую шашку и зажег ее; надо было видеть лица той части совещания, которая была уверена, что в этом виде пироксилин взрывает». По мнению С.Д. Масловского, организация выступления провалилась именно по причине низкой «технической и особенно тактической подготовки кадров» [18, с. 21, 32].

После ликвидации бюро армейская работа передавалась созданной военной комиссии и местным организациям. Комиссия по своему статусу была ниже бюро, она вынуждена вести деятельность с ведома ЦК. Члены бюро не стали исполнять решение, считая новую схему работы противоречащей партийным принципам свободы деятельности, выборности, поощрения инициативы снизу [16, с. 132]. Они продолжали вместе собираться и на встрече в ноябре 1907 г. арестованы. В.Н. Фигнер утверждала, что им удалось уничтожить основные компрометирующие документы, тогда как А.И. Спиридович – обратное, и что это помогло «почти окончательно пресечь партийную работу среди войсковых частей» [1, с. 79] [31, с. 206-207].

Приговоры оказались мягкими, вскоре члены бюро были освобождены. Большинство (например, Н.В. Чайковский) прекратило революционную деятельность. Однако часть участников отправилась в эмиграцию, где продолжила борьбу против самодержавия. Наибольшая активность исходила от В.И. Лебедева, выпускника Тифлисского пехотного училища, входившего в руководство эсеровских военных структур, впоследствии одного из организаторов Народной армии КОМУЧа. Он и жена Маргарита (в девичестве Спенглер) по инициативе М.А. Натансона вели с 1908 г. пропаганду среди матросов во время заграничных стоянок российских кораблей [31, с. 185-188].

Радикальные идеи были распространены на крейсере «Рюрик». В.Н. Фигнер со ссылкой на разговор с В.П. Костенко сообщала о наличии революционной организации на корабле: в главный комитет входило 30 человек, «а около него группировалось до 200 матросов» [31, с. 188]. В.П. Костенко был боевым офицером, членом команды «Рюрика» и параллельно входил в эсеровские военные структуры. Его раскроют только в 1910 г. С матросами «Рюрика» установили контакты Е. Азеф и Б.В. Савинков, рождается идея организации покушения на Николая II во время смотра в Кронштадте осенью 1908 г. [25, с. 215] [31, с. 188]. Стрелять в императора было поручено машинисту Г. Авдееву, также оружие было у вестового Каптеловича. Но царевубийство не состоялось. Б.В. Савинков считал, что матросы не решились на выстрел. Однако В.Н. Фигнер согласно свидетельству В.П. Костенко писала, что революционная организация на крейсере готовила выступление на Балтийском флоте, опасалась раскрытия и решила, что потенциальное восстание приоритетнее террористического акта [25, с. 216] [31, с. 189].

В эмиграции издавались партийные материалы – газеты «За народ» и «Народная армия», предназначенные исключительно для армейской аудитории. В распространении литературы

помимо В.И. Лебедева большую роль играл Ф.В. Волховский, бывший народник, в годы революции входивший в Центральное военно-организационное бюро, впоследствии – редактор ЦО [31, с. 215]. В частности, в 1911 г. он предлагал усилить военное направление в печати эсеров, но идея была отклонена [16, с. 321-322].

В эсеровских прокламациях звучали как характерные для леворадикальной мысли призывы к крушению царизма и перестроению общества на демократических и социалистических началах, так и новые требования, вызванные событиями революции. Например, одна из листовок предлагала «созвать настоящую Думу на основе всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов», так как «только такая Дума может знать все нужды трудового народа». Также в прокламации критиковалась практика военно-полевых судов [19, л. 1].

Авторов пропагандистских материалов очень беспокоили карательные функции военных: «Армия несет службу полиции, вследствие чего развращается и становится не годной для защиты от внешних врагов» [19, л. 1]; «Дожили вы до того, поставили вас вместо полицейских фараонов нести полицейскую службу» [28, л. 2]. Это объяснялось и стандартной риторикой радикалов, и влиянием случаев вооруженного подавления общественных протестов в период революции. Военных призывали к обратным действиям: «Мы обращаемся к солдатам и матросам с убеждением отказываться исполнять приказания начальства, и не только не стрелять в своих братьев – крестьян и рабочих, но немедленно переходить на сторону народа, вплоть до вооруженного восстания против народных угнетателей» [12, л. 1].

Традиционным требованием была замена регулярной армии народной милицией (идея эволюционировала еще от теоретических конструкций А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского), что позволило бы военным исполнять лишь одну роль – защиту населения от внешней угрозы. Однако на этот счет интересна точка зрения С.Д. Масловского (С. Мстиславского), что офицеры хорошо представляли свою профессиональную деятельность без института монархии, однако не разделяли концепт народной милиции – «с чисто военной точки зрения лозунг был вопиющей нелепостью». Это заставляло их сомневаться и в целом в необходимости радикальных общественных преобразований, потому что в старом мире хотя бы действует «настоящая армия» [18, с. 28-29].

Эсеровская агитация критиковала не только устаревшее устройство вооруженных сил царизма, но и делала акцент на затруднительных условиях жизни нижних чинов, что рассматривалось как фактор усиления революционной борьбы. Партия обличала бедность как недопустимое явление, под

своим знаменем стремилась улучшить материальное положение военных. Для этого действовали кассы взаимопомощи в гарнизонах. Например, устав кассы в Кронштадте гласил: «Касса для устройства побега, для покупки нечаянно испорченной или утерянной товарищами казенной вещи, за что [он] может быть наказан ... помощи при болезнях» [30, л. 1]. Это позволяло даже в условиях спада революционной активности оказывать некоторое положительное воздействие на вовлечение военных в ряды оппозиции.

Упадок армейского направления в практической деятельности эсеров помимо спада революционного движения в целом и отсутствия крупных военных конфликтов объяснялся и значительным общепартийным кризисом. А.И. Спиридович писал, что к лету 1908 г. «положение партийных организаций очень ухудшилось», наблюдались лишь некоторые очаги активной деятельности, «общее положение партии характеризовалось словом "деморализация"». Имели место частые аресты, а также постоянные слухи о провокациях [26, с. 410, 424]. К 1910 г. была в большой степени разрушена структура местных партийных отделений [16, с. 31-38]. Наблюдались финансовые трудности. В одной из нелепых прокламаций говорилось, что партии «нужны люди и деньги для успеха нашего великого дела ... людей у нас достаточно, денег же нет». Поэтому автор в жесткой форме просил денег для борьбы против «тяжелого ига коронованного вампира Николая последнего», в противном случае грозил репрессиями после прихода к власти [20, л. 1]. Большое деструктивное влияние имело и знаменитое разоблачение Е. Азефа. Тяжелое состояние заставляло некоторых членов партии совершать крайние поступки. Так, А.А. Петров, бывший учитель, фанатик, искалеченный при неудачном изготовлении бомбы, после случая с Е. Азефом решает стать двойным агентом, что помогло ему в декабре 1909 г. взорвать деятеля политического сыска полковника С.Г. Карпова [11].

Во время реакции в изданиях социалистических сил господствовала идея неизбежности нового революционного подъема. Воззвание данного периода, обращенное к солдатским массам, убеждало: «Революция, как и война, имеет свои моменты кровавых столкновений и моменты затишья, когда утомленные борцы пополняют свои ряды и собираются с новыми силами...» [27, л. 1]. Другое, написанное под влиянием младотурецкой революции, говорило: «Русская армия как будто бы спит, как будто бы смирилась с настоящим положением и в русской армии все тихо, но не благополучно». В России «виселица и жандармы являются правом и законом», изменить же ситуацию должны «сознательные крестьяне, солдаты и

рабочие» революционным путем [8, л. 1]. Неизбежность новой волны общественно-политической конфронтации понимали и представители закона. А.И. Спиридович заключал в 1914 г.: «Крестьянство, пролетариат и военная среда – вот куда направят свои усилия партийные работники [эсеров] стараясь привлечь их на свою сторону для борьбы с правительством» [26, с. 496]. Прогнозы сбылись с началом Первой мировой войны, политическим итогом которой для эсеров стал допуск к власти, затем – эмиграция и забвение.

Заключение (выводы). Эсеры представляли собой значительную организацию со сложившимися силами, способную привлечь на свою сторону различные социальные группы. Работа в

военной среде стала предметом политической дискуссии внутри партии. Представители эсеров искали разные пути пропаганды среди солдат и офицеров. Разнообразие подходов радикалов позволяло постоянно воздействовать на армейское пространство, поддерживать или организовывать протесты даже в годы реакции. В то же время эсеры оказались не способны выработать четкое и близкое солдатам представление о роли армии в освободительном движении, ибо в новом веке именно массовые участники становились решающей силой революционного процесса. Это обстоятельство позволит большевикам с их пониманием классового подхода перехватить политическую инициативу в 1917 г.

Список литературы

1. Боевые предприятия Социалистов-революционеров в освещении охраны. М.: Революционный социализм, 1918. – 112 с.
2. Восстания в Балтийском флоте в 1905-1906 гг. в Кронштадте, Свеаборге и на корабле «Память Азова»: сборник статей, воспоминаний, материалов и документов. Л.: Прибой, 1926. – 162 с.
3. Гинев В.Н. Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества 1902-1914 гг. Л.: Наука, 1984. – 335 с.
4. Граждане! // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 274. Оп. 1. Ед. хр. 2.
5. Гребенкин И.Н. Российское офицерство и политическая жизнь России в начале XX в. // Вестник Тамбовского университета. 2009. № 3 (71). – С. 220-228.
6. Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М.: Мысль, 1975. – 383 с.
7. Дюльдин Х.М. Подготовка к восстанию в Севастополе в связи с разгоном 2-й Государственной Думы // Каторга и ссылка. 1925. № 5. – С. 143-147.
8. За нами очередь! Товарищи солдаты и матросы! // РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Ед. хр. 91.
9. Запись структуры организации партии социалистов-революционеров // РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Ед. хр. № 44.
10. Зензинов В.М. Пережитое. Воспоминания. Нью Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. – 416 с.
11. К убийству полковника Карпова // РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Ед. хр. 38.
12. Ко всем гражданам! // РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Ед. хр. 91.
13. Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М.: РОССПЭН, 1997 – 512 с.
14. Лившиц С. Военное восстание во Владивостоке 16-17 октября 1907 гг. // Каторга и ссылка. 1925. № 7. – С. 102-122.
15. Логачева-Пилецкая М. Киевская подпольная типография 1905-1906 г. // Каторга и ссылка. 1925. № 5. – С. 174-189.
16. Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907-1914 гг. М.: РОССПЭН, 1998. – 624 с.
17. Мстиславский С.Д. Из истории военного движения: (По личным воспоминаниям): «Офицерский» и «Боевой» союзы 1906–1908 гг. // Каторга и ссылка. 1929. № 6 (55). – С. 7-31.
18. Мстиславский С.Д. Отрывки о пятом годе // Каторга и ссылка. 1928. № 2 (39). – С. 7-37.
19. Наказ солдат и матросов г. Севастополя группы С.-Р. и трудовиков в Государственную думу // РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Ед. хр. 91.
20. Обращение к гражданам // РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 1.
21. Овечкин П.А. Деятельность партии социалистов-революционеров в войсках Московского гарнизона 1914-1917 гг.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. М., 2009. – 31 с.
22. Оксенюк А.А. Военные организации эсеров в 1905-1907 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2012. № 6. – С. 74-82.
23. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. II. М.: РОССПЭН, 2001. – 584 с.
24. Речь на суде З.В. Коноплянниковой // РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Ед. хр. 2.
25. Савинков Б.В. Воспоминания террориста. М.: Азбука, 2016. – 480 с.
26. Спиридович А.И. Партия Социалистов-Революционеров и ее предшественники. Петроград:

Военная типография, 1916. – 623 с.

27. Товарищи солдаты и матросы! // РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Ед. хр. 91.

28. Товарищи солдаты! // РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 2.

29. Трояновский А. А. Восстание в Киеве в 1907 г. // Каторга и ссылка. 1922. № 3. - С. 181-188.

30. Устав кассы взаимопомощи кронштадтского гарнизона военно-революционной организации ПСР // РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Ед. хр. 96.

31. Фигнер В.Н. После Шлиссельбурга // Избранные произведения в трех томах. Т. III. М.: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. – 400 с.

32. Чайковский Н.В. О переходе к партизанской войне // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону, 1996. – С. 232-233.

33. Чернов В.М. Перед бурей. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1953. – 412 с.

MILITARY DIRECTION IN THE ACTIVITIES OF THE SOCIALIST-REVOLUTIONARY PARTY IN 1907–1914.

The article examines the theoretical constructions of representatives of the Socialist revolutionary Party on military issues in a socio-political context and practical steps in the ranks of the army during the period of political reaction. The views and activities of socialist revolutionaries are also studied taking into account the party experience gained during the First Russian Revolution and the trends in the development of the national revolutionary movement as a whole. The army riots of 1906-07 were revealed through an analysis of the influence of socialist revolutionaries in the ranks of the armed forces and the peculiarities of the perception of protest and left-wing radical ideas by the military community at the beginning of the twentieth century. The peculiarities of the attitude of the command staff and lower ranks to political propaganda and socialist doctrine are shown. Attention is also drawn to the change in the socio-political appearance of the national army as a result of the modernization processes of the early twentieth century and their impact on the involvement of professional servicemen in the socio-political confrontations of that era is assessed. The influence of the events and processes of the First Russian Revolution on the party's assessment of the role and place of the military component in the fight against tsarism is analyzed. The differences in the views of representatives of the Socialist revolutionary Party on the methods and means of campaigning among soldiers and officers are analyzed, taking into account the experience of revolutionary activity. Party propaganda and theoretical materials are revealed for compliance or departure from the traditional attitudes of the national liberation movement. The practical steps of the socialist revolutionaries to attract the military to their side on the eve of the First World War are outlined, revealing the growing crisis phenomena in the party.

Keywords: army uprisings, army, public thought, officers, the First Russian Revolution, political agitation, political reaction, revolutionary movement, soldiers, socialist thought, social revolutionaries.

References

1. Boevy`e predpriyatiya Soczialistov-revoljucionerov v osveshhenii okhranki [Combat enterprises of the Socialist Revolutionaries in the coverage of the Okhrana] (1918). M. : Revolutionary Socialism. – 112 s.
2. Vosstaniya v Baltijskom flote v 1905-1906 gg. v Kronshtadte, Sveaborge i na korable «Pamyat` Azova»: sbornik statej, vospominanij, materialov i dokumentov [Uprisings in the Baltic Fleet in 1905-1906 in Kronstadt, Sveaborg and on the ship "Memory of Azov": collection of articles, memoirs, materials and documents] (1926). L.: Priboy. – 162 s.
3. Ginev V.N. (1984) Bor`ba za krest`yanstvo i krizis russkogo neonarodnichestva [The struggle for the peasantry and the crisis of Russian neo-populism 1902-1914]. L.: Nauka. - 335 s.
4. Grazhdane! [Citizens!]. *Rossijskij gosudarstvennyj arkhiv soczial`no-politicheskoj istorii* (hereinafter – *RGASPI*). F. 274. Op. 1. Ed. hr. 2.
5. Grebenkin I.N. (2009) Rossijskoe oficerstvo i politicheskaya zhizn` Rossii v nachale XX v. [Russian officers and the political life of Russia at the beginning of the XX century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta*. No. 3 (71). – S. 220-228.
6. Gusev K.V. (1975) Partiya e`serov: ot melkoburzhuznogo revoljucionarizma k kontrrevoljuczii [The Socialist Revolutionary Party: from petty-bourgeois revolutionism to counterrevolution]. M.: Mysl. – 383 s.
7. Dyuldin H.M. (1925) Podgotovka k vosstaniyu v Sevastopole v svyazi s razgonom 2-j Gosudarstvennoj Dumy` [Preparation for the uprising in Sevastopol in connection with the dispersal of the 2nd State Duma]. *Katorga i ssy`lka*. No. 5. – S. 143-147.
8. Za nami ochered`! Tovarishhi soldaty` i matrosy`! [There's a queue behind us! Fellow soldiers and sailors!]. *RGASPI*. F. 274. Op. 1. Ed. hr. 91.
9. Zapis` struktury` organizaczii partii soczialistov-revoljucionerov [Recording of the organization structure of the Socialist Revolutionary Party]. *RGASPI*. F. 274. Op. 1. Ed. chr. No. 44.
10. Zenzinov V.M. (1953) Perezhitoe. Vospominaniya [The experience. Memories]. New York: Chekhov Publishing House. – 416 s.

11. К убийству полковника Карпова [To the murder of Colonel Karpov]. *RGASPI*. F. 274. Op. 1. Ed. hr. 38.
12. Ко всем гражданам! [To all citizens!]. *RGASPI*. F. 274. Op. 1. Ed. hr. 91.
13. Leonov M.I. (1997) *Partiya soczialistov-revoljucionerov v 1905-1907 gg.* [The Party of Socialist Revolutionaries in 1905-1907]. M.: ROSSPAN. – 512 s.
14. Livshits S. (1925) *Voennoe vosstanie vo Vladivostoke 16-17 oktyabrya 1907 gg.* [The military uprising in Vladivostok on October 16-17, 1907]. *Katorga i ssy'lka*. No. 7. – S. 102-122.
15. Logacheva-Piletskaya M. (1925) *Kievskaya podpol'naya tipografiya 1905-1906 g.* [Kiev underground printing house 1905-1906]. *Katorga i ssy'lka*. No. 5. – S. 174-189.
16. Morozov K.N. (1998) *Partiya soczialistov-revoljucionerov v 1907-1914 gg.* [The Party of Socialist Revolutionaries in 1907-1914]. M.: ROSSPAN. – 624 s.
17. Mstislavsky S.D. (1929) *Iz istorii voennogo dvizheniya: (Po lichny'm vospominaniyam): «Oficzer-skij» i «Boevoy» soyuzy` 1906–1908 gg.* [From the history of the military movement: (According to personal memoirs): "Officer" and "Combat" unions of 1906-1908]. *Katorga i ssy'lka*. No. 6 (55). – S. 7-31.
18. Mstislavsky S.D. (1928) *Otry`vki o pyatom gode* [Excerpts about the fifth year]. *Katorga i ssy'lka*. No. 2 (39). – S. 7-37.
19. *Nakaz soldat i matrosov g. Sevastopolya gruppy` S.-R. i trudovikov v Gosudarstvennyu dumu* [The punishment of soldiers and sailors of Sevastopol of the group of S.-R. and trudoviks in the State Duma]. *RGASPI*. F. 274. Op. 1. Ed. hr. 91.
20. *Obrashhenie k grazhdanam* [Appeal to citizens]. *RGASPI*. F. 274. Op. 1. Ed. hr. 93. L. 1.
21. Ovechkin P.A. (2009) *Deyatel'nost' partii soczialistov-revoljucionerov v vojskakh Moskovskogo garnizona 1914-1917 gg.* [Activity of the Socialist Revolutionary Party in the troops of the Moscow garrison 1914-1917]. *Dis... kandidata istoricheskikh nauk*. M., 2009. – 31 p.
22. Oxenyuk A.A. (2012) *Voenny'e organizaczii e'serov v 1905-1907 gg.* [Military organizations of the Socialist Revolutionaries in 1905-1907]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 8: Istorija. No. 6. – S. 74-82.
23. *Partiya soczialistov-revoljucionerov. Dokumenty` i materialy`* [The Party of Socialist Revolutionaries. Documents and materials] (2001). Vol. II. M.: ROSSPAN. – 584 s.
24. *Rech` na sude Z.V. Konoplyannikovej* [Speech at the trial of Z.V. Konoplyannikova]. *RGASPI*. F. 274. Op. 1. Ed. hr. 2.
25. Savinkov B.V. (2016) *Vospominaniya terrorista* [Memoirs of a terrorist]. M.: Azbuka. – 480 s.
26. Spiridovich A.I. (1916) *Partiya Soczialistov-Revoljucionerov i ee predshestvenniki* [The Party of Socialist Revolutionaries and its predecessors]. Petrograd: Military Printing House. – 623 s.
27. *Tovarishhi soldaty` i matrosy`!* [Fellow soldiers and sailors!]. *RGASPI*. F. 274. Op. 1. Ed. hr. 91.
28. *Tovarishhi soldaty`!* [Fellow soldiers!]. *RGASPI*. F. 274. Op. 1. Ed. hr. 91. L. 2.
29. Troyanovsky A. A. (1922) *Vosstanie v Kieve v 1907 g.* [The Uprising in Kiev in 1907]. *Katorga i ssy'lka*. No. 3. - S. 181-188.
30. *Ustav kassy` vzaimopomoshhi kronshtadtskogo garnizona voenno-revoljucionnoj organizaczii PSR* [The charter of the mutual assistance fund of the Kronstadt garrison of the military revolutionary organization of the AKP]. *RGASPI*. F. 274. Op. 1. Ed. hr. 96.
31. Figner V.N. (1933) *Posle Shlissel'burga* [After Shlisselburg]. *Izbranny'e proizvedeniya v trekh tomakh*. T. III. M.: Izdatel'stvo vsesoyuznogo obshhestva politkatorzhan i ssy'l'no-poselenczev. - 400 s.
32. Tchaikovsky N.V. (1996) *O perekhode k partizanskoj vojne* [On the transition to a guerrilla war]. *Istorija terrorizma v Rossii v dokumentakh, biografyakh, issledovaniyakh*. Rostov-on-Don. – S. 232-233.
33. Chernov V.M. (1953) *Pered burej* [Before the storm]. New York: Chekhov Publishing House. – 412 s.

Об авторе

Романика Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и методики обучения истории и обществознанию, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», Россия, a.romanika@365.rsu.edu.ru

Romanika Alexander Sergeevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History and Methods of Teaching History and Social Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Russia, a.romanika@365.rsu.edu.ru